

A close-up photograph of a woman with voluminous, wavy brown hair. She is wearing a light-colored, possibly white or pale blue, blazer with a subtle floral pattern. She is looking directly at the camera with a slight smile. In the bottom right corner, she is holding a clear glass filled with a yellow beverage, likely lemonade, with ice and a slice of lemon. The background is softly blurred, showing what appears to be an outdoor setting with greenery and a building.

Альберт Горошко

**Особенности
туризма в отдельно
взятой стране**

18+

Альберт Горошко

**Особенности туризма в
отдельно взятой стране**

«Автор»

2015

Горошко А. Г.

Особенности туризма в отдельно взятой стране / А. Г. Горошко —
«Автор», 2015

Здесь не нужны путеводители и экскурсоводы. Все и так знакомо, только, быть может, слегка позабыто. Многие стремятся сюда, чтобы окунуться в прошлое. Виталий приезжает с семьёй в страну, вызывающую у него ностальгические чувства: Отдых оборачивается для героя чередой драматических событий.

© Горошко А. Г., 2015

© Автор, 2015

Альберт Горошко

Особенности туризма в отдельно взятой стране

1

Зачем я поехал в эту страну? Меня никто не предупреждал. Да, здесь, как говорили, “кое-что” не так, как везде, но это не касается гостей, которых всегда радушно встретят, потому что они везут сюда свои деньги.

Здесь хорошее море и красивые аборигенки. Впрочем, это наши вчерашние сограждане. События двадцатилетней давности сделали нас сначала добрыми соседями, потом врагами, потом снова соседями, но уже не такими добрыми. Мы разошлись вконец, и теперь наши отношения даже нельзя охарактеризовать поговоркой – дружба дружбой, а денежки поврозь. Остались только денежки.

Здесь вам будут рады, если вы заплатили. Рады, как факту, как удачной сделке. Платите, обслужим. В-общем, как везде. Одно только отличает местные курорты – все-таки почувствуешь себя, как дома. В хорошем смысле. Родной язык, родные(сентиментальничаю) лица. Даже птицы, собаки и кошки – все как будто свое. И, конечно, ностальгия. Собственно, за этим сюда и едут любители вспомнить молодость или детство. Почти все осталось с “тех времен”, за редкими исключениями – есть мобильная связь, интернет и супермаркеты. Да, вот еще – милиция другая. Называется по-новому – жандармерия.

Издаലെка она походила на обычное офисное здание в несколько этажей. Большие окна, стены, выложенные кирпично-красной фасадной плиткой. Только табличка на входе – “Жандармерия” заставила меня нервно поежиться. Руки, державшие меня за плечи, как мне показалось, слегка ослабили хватку, как бы давая понять: “Теперь ты, брат, от нас не уйдешь!” Меня подвели к стойке дежурного, доложив причину моего задержания. Дежурный, надев очки, деловито раскрыл журнал (здесь все велось по старинке на бумаге) и, распластав на столе мой паспорт, внес очередную запись. Я обратил внимание, что сотрудники этого серьезного учреждения – все молодые люди. Призывного, я бы уточнил, возраста. Меня повели по коридору те же сильные, молчаливые, но при этом весьма красноречивые руки. Их уверенное тепло становилось мне так же неприятно, как неприятна ладонь палача на плече приговоренного к смерти. Я не знал, почему мои мысли попали на столь печальную канву, но предчувствие чего-то очень серьезного, что вот сейчас должно произойти со мной, серым шершавым комком подступило к горлу.

– Я имею право на один звонок? – на всякий случай спросил я, тщетно пытаясь повернуть голову. Руки уверенно молчали. Коридор, вдоль которого располагались по одну сторону двери, а по другую пластиковые скамьи с железными спинками, заканчивался кабинетом с лаконичной надписью: “Следователь по особым делам”. “Да, это серьезнее, чем я даже предполагал”, – подумал я и для того, чтобы предать себе хоть немного уверенности, несколькими глотками протолкнул шершавый комок вниз.

– Виталий Сергеевич? Здравствуйте! – дружески вспорхнул со своего места мужчина в элегантном светло-сером костюме с синим платочком в нагрудном кармане. – Садитесь, воды? Сигарету?

Он, наверное, раньше работал в отеле, подумал я, глядя на его красноватое, слегка блестящее нездоровым глянецом лицо. Глаза следователя были обоюдоостры. Казалось, он уже знал меня сто лет. Я, не здороваясь, повторил свой вопрос, заданный оставленным за дверью рукам.

– Напрасно, напрасно беспокоитесь. Мы всего лишь хотим с вами побеседовать.

Следователь, не снимая улыбку с лица, налил из графина воды и протянул мне теплый, слегка поношенный стакан. Я глотнул враждебную мне воду и поставил стакан на стол. Следователь коснулся острием взгляда краешка стакана и уставился на меня в упор.

– Расскажите нам, Виталий Сергеевич, о ваших контактах. Начиная... – он посмотрел на календарь, висевший на стене под портретом главы государства. – Начиная со вторника прошлой недели. Сразу, как вы вернулись из экскурсии – помните, Музей Гражданской Обороны?

Мне стало не по себе. Я перевел взгляд с его пристальных зрачков на пол, где непонятно как залетевший сюда с улицы жучок безуспешно пытался перевернуться на лапки, раскрывая скользившие по плитке надкрылья. Вот так и меня сейчас повалят на лопатки и будут со злоградской улыбкой наблюдать, как я беспомощно сучу в воздухе ножками.

– Ну же, что вы, не стоит так волноваться. Вот, выпейте еще воды. Может быть, пройдемте на свежий воздух? – Следователь нажал звонок, и в кабинет вошел конвоир.

– Капрал, вы свободны.

Хозяин уверенных в себе рук щелкнул каблуками.

Следователь по пути на балкон устроил мне небольшую, но очень неприятную экскурсию по внутренностям жандармерии. То, что я увидел, произвело на меня глубочайшее впечатление. Это был очень грубый ход моего заботливого гида, хотя сам он наверняка считал, что ведет тонкую психологическую игру. Сначала мне казалось, что я иду вдоль цехов какого-то научно-производственного учреждения. За прозрачными офисными перегородками трудилась все та же молодежь, одетая в светлую униформу с головными уборами, немного переросшими обычную пилотку, но не дотягивавшими до поварского колпака. Что-то вроде шапочки хирурга, только с поперечной складкой по верху. Но что они делали там, за стеклами? Люди в форме старательно начищали, надраивали, раскладывали и расставляли сверкавшие холодным стальным блеском инструменты – щипцы, спицы, пилки, молоточки и прочую непонятного назначения утварь. Я вопросительно взглянул на следователя и в его глазах увидел тот же металлический блеск. Чуть в глубине на столе, похожем на больничную кушетку, происходило нечто ужасное – там, из-за спин и над колпаками склонившихся над кем-то людей, мелькали кроваво-розовые руки, ноги, потом снова руки и опять ноги. Хорошо, что оттуда не проходил звук, иначе я прямо здесь же упал, как тот заблудившийся жук.

– Не правда ли, чистая работа? – с оттенком иронии спросил следователь и, не ожидая никакого ответа, продолжил:

– Это раньше профессия палача была не в почете и считалась самой грязной работой. Сейчас молодежь идет сюда охотно. Мы хорошо платим, а они хорошо делают свое дело. Нет, они не пытаются. Это не их задача, ведь не посвятишь каждого в тонкости того или иного дела. Они занимаются исследованиями. А идти к ним или не идти – выбор подследственного. Некоторым, – он провел большим и указательным пальцами по уголкам своих чересчур бледных и тонких губ, – некоторым хватает одного лишь присутствия при таком опыте.

Наконец, мы вышли на балкон. Перегнуться через перила и броситься вниз было моим первым желанием, но провожатый предвосхитил меня:

– Не стоит, здесь только три этажа, и вы всего лишь покалечитесь. Посмотрите, какая свежая листва – дожди не так часто случаются у нас в июле. Ну, так что с вашей встречей с гражданкой Незванской во вторник вечером? Вспоминайте, вспоминайте.

Я внутренне напрягся. Как, откуда они узнали? Нина была моей однокурсницей, и мы встретились с ней в кафе на Центральной набережной. Там находилось столько людей, что проследить кого-нибудь одного в этой огромной кишасей человеческой массе было равносильно поиску упавшей в траву монеты. Мы не виделись с ней с самой защиты диплома, после которой моя студенческая любовь навсегда уехала на родину.

– Так о чем вы говорили за столиком? – продолжал мой мучитель.

Да, она шепотом призналась мне, что ей здесь не нравится, и она с удовольствием уехала бы. А я, что говорил я? Да, про наши ценности, про нашу свободу. И еще про свои убеждения. И она тогда еще сказала, что страшно жалела потом о нашей разлуке. И еще она передала мне книжку, да-да, свою рукопись. Я обещал прочитать. Она и сейчас лежит у меня в номере на тумбочке под лампой. Женские стихи, чувственные и глупые. Я заснул на четвертой странице.

– Что же вы молчите?

– А что я могу вам сказать? Это личное, понимаете? Мы были... друзьями. Понимаете?

Следователь подмигнул-кивнул и закурил. Маниакально глубокая затыжка и легкий, долгий выдох через нос. Не терплю табачного, тем более такого дешевого дыма.

– Что она вам передала? Ведь она передала вам какой-то предмет? Список? Сведения? Не стройте из себя дурачка и из меня тоже. Вы же знаете, где она работает и кто ее муж.

Что за глупости – какое мне дело до ее мужа? Да, работает она по специальности. Инженер-конструктор. Ее всегда интересовали самолеты. Даже тогда, давным-давно, ее любимым аттракционом были самолетики. Теперь она строила новое крыло. Монокрыло какое-то. Я ничего в этом не понимаю, у меня был факультет менеджмента. А уж кто ее муж – этой темы мы касались только вскользь и только один раз, какой-то там профессор, разработчик каких-то дистанционных импульсов. “Муж объелся груш!” – банально ответила она на мой вопрос о ее семейной жизни. Больше мы о нем не говорили, ей это было неприятно, судя по тому, какую она тут же скорчила гримасу.

– Это ее стихи, понимаете. Она их писала двадцать лет.

Не знаю, зачем я так разоткровенничался, со стороны, должно быть, похоже, что я хваюсь своими успехами.

– Интересно, интересно. Так-так. Хорошо. Вот что, значит.

Следователь затынулся последний раз, высосав сигарету, как паук муху, и высморкался в свой синий платок.

– Завтра в девять ноль-ноль вы принесете эти стихи и положите на мой стол. Поняли?

Я не смог сопротивляться представителю власти. Пришлось оставить здесь до завтра свой паспорт. Я чувствовал, что нахожусь на крючке.

2

Когда я вышел на улицу, все вокруг показалось мне зловещим. По мокрому шоссе ехали зловещие автомобили, в очередь на переход столпились зловещие пешеходы. Зловещие воробы купались в луже на краю тротуара. На подоконнике дома напротив зловещая кошка следила за всем, что творилось внизу. Как я вообще оттуда вышел – для меня теперь было самым зловещим вопросом. Как и почему – живой, невредимый и... согласный на все. Согласный сотрудничать, откровенничать, выворачиваться наизнанку. Принести ее стихи! А в окнах жандармерии было пусто, а там, внутри, копошились, как опарыши в трупe, молодые люди призывного возраста. Деловито, сосредоточенно. И руки, и ноги вздымались вверх, инструменты блестели и постукивали – клац-клац... клац-клац... Меня, наконец, вырвало посреди улицы прямо на этот мокрый, залитый мгновенным южным ливнем асфальт.

– Что с вами? Вам плохо? – тут же подскочили с боков прохожие и подхватили меня заботливыми руками. Я дернулся от этих рук, как от электрошокера, и побежал.

– Сумасшедший какой-то! Наверно, алкоголик! – услышал я вслед.

Куда я бежал? Я мог бы прибежать в наше консульство – но что я сказал бы там – спасите меня, дайте мне убежище? Но за мной же никто не гнался, никто не преследовал и не угрожал. И потом, я же добровольно согласился принести им то, о чем сам и разболтал. Ну кто тянул меня за язык? Какие, к черту, стихи? Зачем они им – какой из них прок? Я решил все

ей рассказать. По крайней мере, так будет честно. Так и скажу – испугался, смалодушничал. Прости, милая.

Нина встретила меня, немного удивившись моему неожиданному визиту.

– Виталик, вот сюрприз! – сказала она, поправляя сбившуюся на лоб кудрявую прядь. – А я как раз только что закончила уборку. Да заходи, разувайся, присядь на диван.

Я потоптался на пороге, пытаюсь собраться с мыслями и немного урезонить расхолодившееся в груди сердце. Я неловко скинул мокрые сандалии и прошел в прохладную прихожую. Нина жила на первом этаже старинного особняка, где даже в самую сильную жару было свежо. К тому же окна от солнца закрывали кроны густых платанов, растущих из чугунных решеток на тротуаре.

– Чаю, лимонаду? – спросила она, проходя на кухню. Я перевел дыхание и кивнул.

– Так чего тебе? Или покрепче? Виталик, ты что как неживой?

Нина вошла с подносом в руке, на котором стоял запотевший стакан с лимонным напитком.

Только сейчас я обратил внимание на ее гардероб – она уже успела переодеться в атласный халатик с коротким рукавом и весьма глубокими разрезами по бокам.

“У женщин одно на уме” – подумал я и опустошил дребезжавший о зубы стакан.

– Виталик, да что с тобой? – снова спросила Нина и, не дожидаясь ответа, тут же плюхнулась мне на коленки.

У нас был сумасшедший секс – она так и сказала – сумасшедший. Хотя мне показалось все весьма заурядным. Наверно, потому, что думал я в это время совсем о другом. Мы лежали в кровати. Она курила, а я по привычке жевал кончик подушки.

– Виталик, ну скажи, что ты меня любишь, – попросила Нина, как просят своих мужей начинающие жены.

Я посмотрел на нее, на ее покрасневшие щеки, на прилипшие ко лбу завитушки волос. Нина была моей первой любовью.

– Конечно, дорогая, я всегда тебя любил, – соврал я, но ей это понравилась – она расплылась в довольной улыбке и откинулась на подушку.

– Нина, я должен тебе что-то сказать.

Нина снова наклонилась ко мне, дыша мне в лицо никотином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.